

— Тут нечего скрывать, — абсолютно спокойным тоном ответил Цинь Цзинь, будто они обсуждали сегодняшнюю погоду. — Она беспросветно пила, впуталась в финансовую пирамиду, да еще и увлеклась азартными играми. А когда разводилась с отцом, отсудила абсолютно все семейное имущество.

Ли Сяньфу изумился:

— И твой отец просто так согласился?

Цинь Цзинь кивнул:

— Условием было то, что она откажется от прав на ребенка.

Впрочем, условием это назвать было трудно — с ее эгоизмом она бы ни за что не стала таскать за собой обузу.

Услышав это, Ли Сяньфу без труда догадался, зачем та звонила:

— Просит денег?

Цинь Цзинь усмехнулся:

— А ради чего еще?

Ли Сяньфу цокнул языком:

— Ты ведь разбогател уже давно. Удивительно, что она объявилась только сейчас.

— Раньше она скрывала семейное положение и выскочила замуж за какого-то богача, — неторопливо объяснил Цинь Цзинь. — Пару раз пробовала тайком вымогать у меня деньги, но я отказал. Испугавшись, что лишится всего сразу, она перестала досаждать.

Уловив оговорку «раньше», Ли Сяньфу с сочувствием спросил:

— А теперь?

Цинь Цзинь чуть приподнял бровь и повернулся к нему. Встретившись взглядами, они одновременно качнули головами и усмехнулись.

Причина очевидна: спустив все до копейки, женщина решила вспомнить про брошенного сына.

Каким бы тревожным ни был настрой, чарующие звуки цитры способны умиротворить любую душу.

Ли Сяньфу заиграл мелодию «Развеять грусть». Ее звучание было широким и величественным. Цинь Цзинь прикрыл глаза, постепенно погружаясь в мир, сотворенный музыкой.

— «Спроси, сколь много грусти у тебя...» — послышался голос Ли Шаша. Услышав цитру, мальчик заложил руки за спину, вышел во двор и, начав со стихов, пустился в долгие рассуждения.

Если сначала Цинь Цзинь испытывал лишь каплю досады, то после бесконечной наставительной мудрости и цитат из классиков даже небо в его глазах окрасилось в серый цвет.

Ли Сяньфу бросил на него косой взгляд. Ли Шаша тут же сбавил тон и, свернув тему, положил перед каждым из них по отпечатанной брошюре:

— Это сценарий.

Быстро пролистав страницы, можно было заметить: если не брать в расчет сам сюжет, во всем остальном брошюра была составлена безупречно — не придраться даже к знакам препинания.

С памятью Ли Сяньфу и Цинь Цзиня выучить слова накануне выступления не составило бы труда. Однако Ли Шаша пришел вовсе не за тем, чтобы просто раздать сценарий.

Во-первых, Цинь Цзинь не давал четкого согласия на участие в спектакле, и мальчик рассчитывал, что при Ли Сяньфу тот не станет отказываться наотрез. И не прогадал.

Цинь Цзинь не бросил брошюру обратно, что Ли Шаша сразу сочел за молчаливое согласие.

Во-вторых, ему требовалось «привлечь спонсоров».

— Папа, мне нужны пошитые на заказ сценические костюмы.

— Хорошо.

Он согласился настолько легко, что Ли Шаша засомневался:

— Ты что, сделал за моей спиной что-то непотребное?

Например, завел ребенка на стороне.

Проработав бок о бок много лет, Ли Сяньфу, несмотря на невозмутимое выражение лица Ли Шаша, мгновенно догадался, о чем думает Система:

— Карманные расходы в этом месяце урезаются вдвое.

— Собираешься тратить их на младшего братика или сестренку?

Ли Сяньфу:

— Урезаются на две трети.

— Цицерон говорил, что каждому человеку свойственно ошибаться, но только глупец упорствует в своей ошибке. Папа, я осознал свою вину.

Ли Сяньфу поднялся, собираясь убрать цитру, и обернулся:

— Можешь идти переобуваться. Если выйдем сейчас, успеем к обеду.

Когда Ли Сяньфу ушел, Ли Шаша еще какое-то время стоял неподвижно. Наконец он повернулся к Цинь Цзиню:

— Я вижу по твоему высокому лбу, что в любви тебя ждет полное благополучие...

Цинь Цзинь:

— К делу.

Ли Шаша:

— Мне нужны карманные деньги.

...

Осень принесла с собой прохладу, поэтому Ли Сяньфу сменил легкую куртку на плащ. Высокая и стройная фигура идеально подходила для такого фасона — длинный подол ничуть не крал рост.

На улицу Ли Шаша выходил вприпрыжку. Окинув взглядом его оттопыренные карманы, Ли Сяньфу издал неопределенный звук и изогнул бровь.

— Всего две тысячи, — поспешно оправдался Ли Шаша. — Сейчас все платят картами, у Цинь Цзиня просто не было больше налички.

Ли Сяньфу не стал отбирать выпрошенные деньги и лишь вздохнул, возвращаясь к теме одежды:

— Второй брат посоветовал хорошего портного. Он работает исключительно по индивидуальным меркам. Мне как раз нужно заказать костюм.

Единственный строгий костюм в его гардеробе был сшит из тонкой ткани и не подходил для осенних приемов.

Ли Шаша спросил:

— Намечается что-то важное?

Ли Сяньфу:

— Да так, скучные частные рауты.

В последнее время подобных мероприятий стало больше. Старшее поколение постепенно отходило от управления компаниями и наводило мосты, давая молодежи возможность завязать полезные знакомства.

Другие же устраивали их просто от любви к шуму и желания напомнить о себе.

Ли Сяньфу вспомнил, что Цинь Цзинь переехал почти без вещей, и набрал его номер, чтобы спросить, не нужен ли и ему индивидуальный пошив.

Поговорив немного, он повесил трубку и наткнулся на пристальный взгляд Ли Шаша:

— Что такое?

Ли Шаша:

— Я никогда не видел, чтобы ты о ком-то так заботился.

Ли Сяньфу хладнокровно убрал телефон в карман и кивнул на здание впереди:

— Пришли.

· В выходной день Цинь Цзинь решил съездить домой за кое-какими вещами.

Еще издали он увидел, как охранник пытался выставить за ворота какую-то женщину:

— Если продолжите в том же духе, я вызову полицию!

— Ты хоть знаешь, кто я?! Я мать Цинь Цзиня!

Охранник оставался непреклонен.

Он работал здесь уже много лет и привык играть роль злодея. В наше время у каждого найдутся проблемные родственники; о тех, с кем не хотелось иметь дела, жильцы предупреждали охрану заранее, чтобы их не впускали под предлогом строгих правил комплекса.

Цинь Цзинь давно дал понять: «У меня нет родных». Всего четыре слова — и охранник сразу усвоил, как действовать.

Женщина собиралась устроить скандал, но, заприметив краем глаза подкатывающий дорогой автомобиль, невольно притихла.

Цинь Цзинь не стал разворачиваться. Напротив, он подъехал ближе и опустил стекло. Охранник к этому моменту уже тактично удалился в будку. Увидев его, женщина взволнованно воскликнула:

— Сынок!

Цинь Цзинь был очень похож на мать. Женщину звали Мэн Цюн. Она выглядела привлекательно, и было видно, что в молодости славилась настоящей красотой.

Все эти годы она хорошо ухаживала за собой: вцепившиеся в окно машины запястья казались тонкими и белоснежными. Трудно было поверить, что эта хрупкая на вид женщина когда-то вымещала злобу палками и однажды чуть не сломала Цинь Цзиню ногу.

Не желая попусту тратить слова, Цинь Цзинь отрезал:

— Я буду переводить тебе алименты по минимальной ставке. В остальное время прошу не беспокоить.

Поняв по ледяному взгляду сына, что давить на жалость бесполезно, Мэн Цюн вполголоса произнесла:

— Ты теперь человек известный... А если я расскажу обо всем прессе?

— Делай что хочешь.

Цинь Цзинь тронулся с места. Мэн Цюн едва не упала и, побледнев от злости, разразилась бранью, но ответом ей были лишь выхлопные газы.

Взглянув в зеркало заднего вида на бегущую вслед с проклятиями Мэн Цюн, Цинь Цзинь прищурился. Как-никак, она много лет прожила в роскоши и умела соблюдать приличия — до базарной ругани на людях она бы не опустилась.

Он набрал номер секретаря:

— Выясни, кто подстрекал мою мать устроить этот спектакль.

Секретарь ответил коротко:

— Понял, сделаю в кратчайшие сроки.

· Появление Мэн Цюн не произвело особого эффекта на жизнь Цинь Цзиня. Рабочие дела и редкие званые обеды отнимали почти все время, к тому же в последнее время приходилось искать способ заставить заговорить Кон Егуя.

Единственной передышкой, как ни странно, можно было считать сегодняшний прием.

Ли Сянфу тоже получил приглашение. Организатор поступил весьма умно: отправил открытку Старику Ли с формулировкой «Вам и Вашей семье», то есть прийти мог любой свободный домочадец. Раз хозяева проявили такое уважение, Старик Ли должен был ответить взаимностью. Но поскольку близко они не общались, он просто отправил на вечер наименее занятого Ли Сянфу.

Ли Сянфу изредка чокался бокалами с гостями, витая где-то в своих мыслях.

В зале царило весеннее тепло, тогда как снаружи дул прохладный ночной ветер.

Мэн Цюн слегка нервничала, но, к счастью, проверяющий лишь мельком глянул на приглашение. Превосходные манеры, благородный вид и тщательно подобранный наряд сделали свое дело.

— Приятного вам вечера, — с легким поклоном произнес официант.

Мэн Цюн перевела дух. Шагая к залу, она увидела на экране телефона уведомление о банковском переводе. Остатки сомнений тут же улетучились: стыд стыдом, а деньги куда реальнее.

Заказчик позвонил снова. Мэн Цюн осторожно отошла в угол и ответила.

— Устрой скандал погромее, — бросили на том конце провода.

Мэн Цюн лишь покачала головой: нынешняя молодежь совершенно не думает о последствиях, ей самой в молодые годы до такого было далеко. Во всяком случае, сама она ни за что не стала бы выкладывать кругленькую сумму только ради того, чтобы выставить кого-то посмешищем.

Знай тот человек, о чем она думает, он бы лишь презрительно усмехнулся.

Тот, кто решился на подобное, прекрасно понимал: его банковские счета со дня на день заморозят. Так почему бы напоследок не дать волю накопленной желчи?

<http://bllate.org/book/18300/1757502>